

Трансфеминизм (трансгендерный феминизм) возник во многом как ответ на трансфобные взгляды радикальных феминисток, распространившиеся с конца 1970-х гг. в США, для которых транс* женщины были не женщинами, а мужчинами, вторгающимися в женские пространства. По мнению многих радикальных феминисток того времени, транс* женщины являлись агентами патриархата, призванными внедриться в женское движение и разрушить его изнутри. Аргументами против признания транс* женщин *женщинами* служили как биологические (хромосомы и половые органы), так и социально-конструктивистские (отсутствие опыта угнетения и мужские привилегии) подходы. Эта статья знакомит русскоязычных читательниц с американским трансфеминистским дискурсом, важной составляющей которого является критика трансфобных высказываний цисгендерных феминисток.

Уточню некоторые термины, которые я использую в этой статье: *транс* женщины* — это трансгендерные и транссексуальные женщины, те, которым при рождении был приписан мужской пол, в отличие от *цис* женщин*, т. е. цисгендерных и циссексуальных женщин, которым при рождении был приписан женский пол. Соответственно, *транс* мужчины* — это мужчины, которым при рождении был приписан женский пол. На мой взгляд, разделение «трансгендер/транссексуал(ка)» является проявлением медиализирующего дискурса, поэтому я применяю *транс** со звездочкой в качестве прилагательного для того, чтобы избежать ненужного повторения этих двух слов, либо я использую прилагательное *трансгендерные* как более

широкое понятие. Однако в приводимых в тексте цитатах сохранена терминология оригинальных текстов. Также на протяжении статьи я говорю об *изменении*, но не «*коррекции*» пола, так как считаю последний термин патологизирующим. Трансгендерность не является неправильным состоянием, которое необходимо «корректировать». Надо признать, что и этот термин не является точным, т. к. пол является комплексным понятием, и, говоря об изменении пола, нужно уточнять, идет ли речь об изменении гендера, гормонального или морфологического пола.

Одним из первых примеров негативного отношения к транс* женщинам, выраженного публично, можно считать изгнание транс* женщины Бэт Эллиот с конференции лесбиянок в Лос-Анжелесе в 1973 г. Радикальная феминистка Робин Морган обвинила Эллиот в том, что она является «оппортунистом, нарушителем границ и разрушителем с ментальностью на- сильника»¹. Такое негативное восприятие трансгендерности получило распространение в феминистской среде частично благодаря книге Мэри Дейли «*Gyn/Ecology*»: «Транссексуализм является примером хирургической технологии, созданной мужчинами, которая наводняет мир женщин подделкам». Дейли ставит изменение пола в один ряд с клонированием, созданием искусственных маток и другими технологиями, которые являются проявлениями «фаллократического нарушения границ»².

Дженис Реймонд, защитившая диссертацию под руководством Дейли, в 1979 г. написала книгу «Транссексуальная империя»³, которая служит энциклопедией феминистской трансфобии: в ней приведены все трансфобные аргументы, которые используются по сей день. Фактически на протяжении многих лет исследователи и активистки, придерживающиеся этой точки зрения, только перефразировали и углубляли мысли, высказанные Реймонд. По ее мнению, «мужественность и женственность определяются соответствующими хромосомами и последующей историей жизни в качестве

1 L. Faderman & S. Timmons. *Gay L.A.: A History of Sexual Outlaws, Power Politics, and Lipstick Lesbians*. New York, 2006. P. 191.

2 M. Daly. *Gyn/Ecology: The Metaethics of Radical Feminism*. Boston, 1978. P. 71.

3 J. Raymond. *The Transsexual Empire: The Making of the She-Male*. New York, 1994.

хромосомного мужчины или женщины»⁴. Опираясь на логику эссенциализма, преобладавшего в феминизме второй волны, согласно которой женщина — это человек с хромосомами XX, а мужчина — XY, Реймонд настаивает, что транс* женщины являются мужчинами, а транс* мужчины — женщинами. На протяжении книги Реймонд использует местоимения *он* для обозначения транс* женщин и *она* для транс* мужчин, что противоречит логике их собственного самоопределения. Под «транссексуальной империей» Реймонд понимает патриархатный медицинский конгломерат, который призван поддерживать гендерное неравенство, представляя смену пола как лечение для тех, кого оно не устраивает⁵.

Особенную опасность для женщин, с точки зрения Реймонд, представляют транс* женщины, позиционирующие себя как феминистки и лесбиянки:

Транссексуально созданные лесбийские феминистки показывают еще одно лицо патриархата. В то время как МтФ-транссексуал проявляет попытки обладать женщинами в телесном смысле, разыгрывая образы, которые мужчины создали для женщин, МтФ, утверждающий, что является лесбийской феминисткой, пытается обладать женщинами на более глубоком уровне, на этот раз под личиной оспаривания, а не следования стереотипно фемининной роли и модели поведения⁶.

В английском тексте Реймонд употребляет *male-to-constructed-female* вместо привычного термина *male-to-female* (МтФ)⁷, чтобы подчеркнуть, что транс* женщины не являются настоящими женщинами. Реймонд оспаривает мнение о том, что, меняя пол на женский, мужчины теряют свои мужские привилегии. Напротив, она считает, что такой мужчина получает дополнительные привилегии в женском обществе, где ему не нужно конкурировать с другими мужчинами. С этой же целью прилагательное *транссексуальные* часто заменяется на *транссексуально созданные* (англ.: *transsexually constructed*). Реймонд критикует и самих лесбийских феминисток, которые охотно принимают в свое сообщество

4 Ibid. P. 4.

5 Ibid. P. xvi.

6 Ibid. P. 99.

7 *MtF (male-to-female)* и *FtM (female-to-male)* — на русском МтФ и ФтМ — являются эквивалентами понятий транс* женщина и транс* мужчина.

транс* женщин. Она видит три причины, почему они так поступают: она приравнивает присваивание женского тела к изнасилованию, о чем она пишет в следующих словах, ставших наиболее известной цитатой из ее книги: «Все транссексуалы насилуют женские тела, сводя реальных женщин до артефакта и присваивая их тела себе. Транссексуальные лесбиянки-феминистки оскверняют женскую сексуальность и дух. Насилие, обычно совершаемое физически, может быть также осуществлено посредством обмана»⁸.

Первым отзывом на книгу Реймонд, написанным транс* женщиной, стала статья Кэрол Ридделл «*Divided Sisterhood*», вышедшая в 1980 г.⁹ Ридделл критикует Реймонд за догматизм, с которым она утверждает, что единственной причиной трансгендерности является патриархат, и называет транс* женщин мужчинами, а транс* мужчин женщинами; за игнорирование опыта трансгендерных людей, отрицание исторических сведений о трансгендерности, попытку представить ее как изобретение современной патриархатной медицинской «империи».

В 1991 г. Сэнди Стоун опубликовала знаменитый «ответ» Реймонд «Империя наносит ответный удар: (пост)транссексуальный манифест», который считается началом трансфеминизма¹⁰. В своей работе Стоун критикует не только трансфобные феминистские высказывания, но и медицинское сообщество, и самих трансгендерных людей. Она высказывается против бинарного видения гендерной идентификации и критикует тех транс* женщин, которые подстраиваются под нормы выбранного гендера и выдумывают истории о своей прошлой жизни, тем самым стирая собственную идентичность как трансгендерных людей.

Позже появились другие работы о трансгендерности, написанные транс* женщинами-феминистками. К таковым можно отнести Кэйт Борнштейн, Эми Койяму, Джулию Серано и др., благодаря которым трансфеминизм сформировался как обособленное направление феминизма. Несмотря на ряд разногласий, трансфеминисток связывает понимание того, что

8 J. Raymond. *The Transsexual Empire*... P. 104.

9 C. Riddell. *Divided Sisterhood: A Critical Review of Janice Raymond's 'The Transsexual Empire'*. Liverpool, 1980.

10 S. Stone. *The Empire Strikes Back: A Posttranssexual Manifesto* // K. Straub & J. Epstein J. (Eds.). *Body Guards: The Cultural Politics of Sexual Ambiguity*. New York, 1991. P. 280–304.

право на выбор гендерной идентичности, а также на изменение своего тела и пола в документах являются неотъемлемыми правами человека. Эми Койяма так формулирует позицию трансфеминизма по этим вопросам:

Во-первых, мы убеждены, что каждый человек имеет право обозначать свою собственную идентичность и ожидать от общества уважения к своему выбору. Это также включает право выражать наш пол без страха дискриминации или насилия. Во-вторых, мы утверждаем свое полное право принимать решения относительно собственного тела, и никакие политические, медицинские или религиозные авторитеты не имеют права нарушать целостность наших тел против нашей воли или препятствовать нашему решению о том, что делать с ними¹¹.

Трансфеминистки последовательно разбивают аргументы феминисток, придерживающихся трансфобных взглядов, и доказывают, что их позиция противоречит базовым концепциям самого феминизма. Одним из главных оснований в отказе признать транс* женщин в качестве женщин со стороны трансфобных феминисток является наличие у многих из них пенисов и отсутствие вагин. Сведение личности к гениталиям является не только объективизацией, но и поддерживает миф о том, что мужская власть каким-то образом связана с наличием фаллоса, — миф, нашедший яркое выражение в теориях психоаналитиков. К сожалению, сами трансгендерные люди поддерживают такую объективизацию, когда говорят, что родились «не в том теле», эта же фраза долгое время фигурировала в медицинских критериях для постановки диагноза «транссексуализм». Использование этой фразы подразумевает, что для каждого пола существует только одно, «правильное» тело, а все остальные тела — неправильные, что привязывает понимание пола исключительно к «врожденной» анатомии¹².

Следуя этой идеологии, некоторые феминистки принимают в качестве женщин тех из нас, у кого были операции на гениталиях¹³. Принятие одной группы в качестве жен-

11 E. Koyama. The Transfeminist Manifesto // R. C. Dicker, A. Piepmeier (Eds.). *Catching a Wave: Reclaiming Feminism for the 21st Century*. Fredericksburg, PA, 2003. P. 244–259.

12 S. Stone. *The Empire Strikes Back: A Posttranssexual Manifesto*...

13 Часто употребляются термины *post-op* для трансгендерных людей, прошедших операцию, *pre-op* для тех, кто планируют ее сделать в будущем, и *non-op* для тех, кто не планируют ее делать. На мой взгляд, такая классификация является центрированной на гениталиях и создает ложное представление о том, что операция является самой важной ступенью в жизни трансгендерных людей.

щин и игнорирование в этом качестве других ставит первых в привилегированное положение и вносит раскол в трансгендерное движение. Такая тактика выгодна патриархату, так как пост-оп транс* женщины присоединяются к угнетателям и поддерживают угнетение тех транс* женщин, которые не вписываются в рамки внутренней нормы. Так группа пост-оп транс* женщин выступила в 2000 г. с открытым письмом, в котором раскритиковала радикальные действия организации «*Camp Trans*», которая требовала доступа на Мичиганский фестиваль женской музыки для транс* женщин, не прошедших операцию, и таким образом «сознательно игнорировала пожелания большинства участниц, чтобы фестиваль оставался женским пространством и зоной, «свободной от пенисов»¹⁴. Сотрудницы кризисных центров и шелтеров для женщин часто разделяют эту идеологию, когда соглашаются работать только с транс* женщинами, прошедшими хирургическую операцию. Такое требование ограничивает в помощи наиболее бедных и уязвимых транс* женщин¹⁵, так как операции дорогостоящи. Более того, не всем транс* женщинам эти операции нужны.

Часто камнем преткновения между трансгендерными и феминистскими группами становится якобы отсутствие у трансгендеров истории угнетения как женщин. Идея о существовании некоего универсального женского опыта, объединяющего всех женщин в мировое сестринство, основана на том, что патриархат и его методы угнетения всюду одинаковы, поэтому все женщины как угнетаемый класс имеют универсальный жизненный опыт. Так, Робин Морган во введении к «*Sisterhood Is Powerful*» пишет:

Движение за освобождение женщин является первым радикальным движением, которое создает свою политику на основе персонального опыта... Его [опыт] разделяет каждая женщина, и таким образом он является политическим... [Женское движение] также является первым движением, имеющим возможность преодолеть все классовые, расовые, возрастные, экономические и географические барьеры, так как женщины в каждой группе играют

14 B. Elliott, et al. The Michigan Women's Music Festival and Transsexual Women: A Statement by Transsexual Women. *Eminism.org* — A Personal Website of Emi Koyama. www.eminism.org/michigan/20000809-elliott.txt (посещение 6.10.13).

15 V. Namaste. *Invisible Lives: The Erasure of Transsexual and Transgendered People*. Chicago, 2000. P. 177–183.

абсолютно одинаковую роль, хотя и под разными декорациями и костюмами, выступая в качестве жены, матери, сексуального объекта, родильницы детей, источника дополнительного дохода, помощницы, воспитательницы, хозяйки и т. д.¹⁶

Транс* женщины, прожившие значительную часть жизни как мужчины, не могли получить такого опыта, следовательно, не могут быть женщинами. Идея сестринства во многом была развита белыми женщинами среднего класса, которые переносили свой опыт угнетения на всех остальных женщин без учета других видов дискриминации. Например, белл хукс¹⁷ отметила:

Идея об «общем угнетении» была ошибочной и искаженной концепцией, скрывающей и мистифицирующей истинную природу различной и сложной социальной реальности, в которой живут женщины. Женщины разделены сексизмом, расизмом, классовыми привилегиями и множеством других предрассудков. Устойчивая связь между женщинами может возникнуть только посредством борьбы с этими разделениями, когда предприняты необходимые шаги для их устранения¹⁸.

Трансфеминизм проблематизирует идею сестринства. Трансфобия является еще одним барьером, разделяющим женщин на враждующие лагеря и препятствующим совместной борьбе с патриархатом. Действительной солидарности между женщинами можно добиться, только уважительно относясь к опыту каждой, но не путем исключения групп, не соответствующих умозрительным стандартам или разделяя женщин на «правильных» и «неправильных». Можно возразить, что транс* женщины не являются «угнетенной» группой до «перехода», а, напротив, являются угнетателями. Это неверно, так как транс* женщины не «стали» женщинами в момент операции по изменению пола или в результате изменения гормонального фона, но большинство из них начали ощущать себя женщинами с раннего возраста. Они испытывали повседневную дискриминацию, когда пытались выразить свой

16 R. Morgan. *Sisterhood is Powerful*. New York, 1970. P. xvii-xviii.

17 белл хукс — «известная черная исследовательница и писательница, взявшая псевдонимом имя своей бабушки, пишет его с маленькой буквы. Возможно, это означает: такая же, как все остальные черные американки, одна из многих». белл хукс. *Феминистская теория: от края к центру // Антология гендерной теории*. Ред. Е. Гапова, А. Усманова. Минск, 2000. С. 236. *Прим. ред.*

18 bell hooks. *Feminist Theory: From Margin to Center*. Cambridge, MA, 1984. P. 43-44.

гендер в соответствии со своим внутренним самоощущением, а не с биологическим полом. В этом случае бинарное деление на угнетателей и угнетенных не соответствует реальности и не может быть использовано для категоризации людей на тех, кого можно считать женщинами, а кого нельзя.

Еще одним поводом для отказа в признании транс* женщин в полной мере женщинами является наличие у них мужских привилегий. Однако большинство транс* женщин скажет, что их мужское воспитание не только не было для них привилегией, но являлось источником постоянного дискомфорта, непонимания и унижения:

Однако как трансфеминистки мы должны противостоять такой упрощенной реакции... Большинство транссексуальных женщин воспринимались как мужчины, по крайней мере, на каком-то этапе своей жизни, и, следовательно, к ним было предпочтительное отношение, например, во время обучения и работы, несмотря на то, получали ли они удовольствие от того, что воспринимались как мужчины. Их учили быть настойчивыми и уверенными, и некоторые транссексуальные женщины сохраняют эти «маскулинные» черты, часто себе во благо, после перехода. Мы часто принимаем испытываемое угнетение и отсутствие мужских привилегий за гендерную ненормативность. Вместо утверждения, что мы никогда не получали выгоду от мужского превосходства, нам следует утверждать, что наш опыт представляет собой динамическое взаимодействие между мужскими привилегиями и недостатками от того, что мы являемся трансгендерами¹⁹.

Некоторые трансфеминистки критикуют само понятие мужских привилегий, так как не считают их единственными привилегиями, имеющими отношение к полу. Так же как и концепция универсального женского опыта угнетения, мнение о наличии у всех мужчин одинаковых привилегий является сильным упрощением и не соответствует реальности. Так, Джулия Серано отмечает:

Концепция «мужских привилегий» появилась из некорректного предположения, что сексизм работает как единственная форма угнетения... Это, однако, является чрезмерным упрощением сексизма по ряду причин. Во-первых, эта концепция отрицает другие важные факторы, как расизм, классовую дискриминацию, дискриминацию лиц с ограниченными возможностями и т. д.,

19 E. Koyama. The Transfeminist Manifesto...

которые способствуют дискриминации... Во-вторых, она игнорирует оппозиционный сексизм²⁰, который отдает предпочтение людям с типичными гендерными наклонностями, вне зависимости от пола. Например, если вас привлекают мужчины, ваша жизнь во многих аспектах будет легче, если вы женщина, а не мужчина²¹.

Хотя некоторые транс* женщины могли пользоваться мужскими привилегиями до «перехода», а иногда и после него, цис* женщины имеют другие привилегии, на которые они редко обращают внимание, — цисгендерные привилегии²². Это привилегия быть рожденной и социализированной в том поле и гендере, которые соответствуют внутреннему самоощущению (гендерной идентичности). Это возможность не терпеть издевательства за то, что ты слишком женственна, когда окружающие ожидают от тебя мужского поведения. Это право не бояться быть выгнанной из женского туалета, если твоя внешность кому-то покажется недостаточно женской.

Часто феминистки критикуют транс* женщин за нарочитое воспроизводство гетеронормативных стереотипов в поведении и внешнем виде. В своей работе Стоун указывает, что трансгендерные люди вынуждены гипертрофированно следовать стереотипным гендерным ролям, поскольку это требуется различными медицинскими учреждениями и процедурами. Возможность социализации в выбранной гендерной роли являлась (а в некоторых странах до сих пор является) важным критерием для разрешения на операцию по перемене пола²³. Для того чтобы получить разрешение на операцию, транс* женщины должны были при общении с психиатрами проявлять типично «женские» черты: быть мягкими, пассивными, мечтать о призвании жены и матери, заниматься типично «женскими профессиями» и чувствовать

20 В отличие от «традиционного сексизма», под «оппозиционным сексизмом»

Серано понимает «убеждение, что понятия «женщина» и «мужчина» являются взаимоисключающими категориями, каждой из которых соответствует уникальный и неперекрывающийся набор свойств, склонностей, способностей и желаний». J. Serano. *Whipping Girl: A Transsexual Woman on Sexism and the Scapegoating of Femininity*. Emeryville, CA, 2007. P. 8.

21 J. Serano. *Whipping Girl*... P. 100.

22 Я. Ситникова. Цисгендерные привилегии. *Инсайт-Украина*. www.insight-ukraine.com.ua/transgender/item/148-tsisgendernye-privilegii.html (посещение 6.10.13).

23 S. Stone. *The Empire Strikes Back: A Posttranssexual Manifesto* ...

себя «рожденными в чужом теле»²⁴. Между тем, многие транс* женщины в настоящее время предпочитают одежду стиля юнисекс традиционным женским платьям и каблукам и не следуют стереотипам при выборе работы.

Трансфобия, проявляемая значительной частью феминисток, их утверждения о том, что транс* женщины являются на самом деле мужчинами, являются не просто игрой слов и столкновением теорий, но имеют реальные негативные последствия. Так, в то время как цис* женщины могут найти поддержку в кризисных центрах и шелтерах, транс* женщинам, как правило, закрыт доступ в защищенные женские пространства из-за трансфобии сотрудниц, которую они черпают в феминистских теориях. Тем самым, трансфобия, распространенная в феминистской среде, является одним из факторов, усиливающих подверженность транс* женщин насилию²⁵.

Своим существованием транс* женщины ставят перед феминизмом вопросы, затрагивающие его основы. Спор о том, являются ли транс* женщины женщинами, заставляет многих феминисток задуматься об определении группы, интересы которой они пытаются представлять в политике, и переводит слово «женщина» из неопределяемого понятия в предмет дискуссии. Для феминизма как политической практики удобно существование «женщин» как четко определенной категории, которую можно противопоставить угнетателям. Однако такая позиция приводит к исключению тех, кто не вписывается в ограниченные рамки, и транс* женщины здесь являются ярким примером. Возможность изменения пола заставляет переосмыслить традиционную бинарную оппозицию *биологический пол/гендер*. Если пол можно изменить, причем эта процедура регулируется определенными медицинскими и законодательными нормами, сам биологический пол становится во многом социально-конструируемым. Таким образом, его больше нельзя противопоставить гендеру как неизменной данности.

24 Я. Ситникова. Миф о "чужом теле". *Живой журнал*. 24.04.2013. www.transfeministki.livejournal.com/1663.html (посещение 6.10.13).

25 Я. Ситникова. Домашнее насилие в отношении трансгендерных людей. *Инсайт-Украина*. www.insight-ukraine.com.ua/articles/item/169-yana-sitnikova-domashnee-nasilie-v-otnoshenii-transgendernyh-lyudey.html (посещение 6.10.13).